

Павиленис Р. Язык. Смысл. Понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиологический анализ. Вильнюс, 1986.

Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопр. языкознания. М., 1999. № 1. С. 3–16.

Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

Е. И. Голованова

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНА: КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Отечественное терминоведение с момента своего возникновения отличалось пристальным вниманием к вопросам теории термина, его места в языке, в системе знаний. В последние пятнадцать лет издан ряд обобщающих работ, посвященных этим проблемам [см., например: Суперанская и др., 1989; 1993; Комарова, 1996; Султанов, 1996; Татаринов, 1996; Лейчик, Бесекирска, 1998; Лемов, 2000; Буянова, 2002 и др.]. Конец XX – начало XXI в. знаменует собой новый этап в развитии теории термина, что связано с появлением когнитивного подхода к анализу терминологических единиц. Опубликовано множество статей в данном аспекте, а также и ряд монографий [см., например: Володина, 1997; 2000; Манерко, 2000; Алексеева, Мишланова, 2002; Мишланова, 2002]. Совокупности терминов рассматриваются в подобных исследованиях с точки зрения теории знания и познания, как результат когнитивной деятельности специалиста. Вместе с тем требует своего обоснования и разработки взаимосвязанный с данным аспектом изучения термина коммуникативный подход, позволяющий видеть в нем необходимый инструмент профессиональной коммуникации, средство актуализации профессиональных знаний в процессе деятельности. Иными словами, на повестку дня выдвигается вопрос о природе и свойствах термина как когнитивно-коммуникативной единицы.

Теоретической основой данного подхода является положение о деятельности природы языка, в соответствии с которым язык рассматривается как когнитивный процесс, осуществляемый в коммуникативной деятельности и обеспечиваемый особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу [см.: Кубрякова, 1997].

Проблема установления специфики термина как языкового знака оказывается в русле общего направления современных лингвистических исследований: в связи с углублением когнитивной ориентированности изучения языка встала задача выявления видов и типов языковых знаков, видов и типов знаний, представленных в этих знаках, и механизмов извлечения из знаков этих знаний, т. е. правил интерпретации и условий возникновения и развития знаков, а также принципов, регулирующих их функционирование [см.: Крав-

ченко, 2001б]. Разные типы знаков отражают определенные аспекты концептуальной картины мира и соответственно разное знание о мире. Что определяет с этих позиций своеобразие термина? Какие его признаки, свойства, функции выделяют его среди других языковых единиц?

Как известно, в языке объективируются результаты познавательной деятельности людей, но познавательная деятельность отдельного человека, осуществляемые им процессы восприятия, категоризации и концептуализации объектов находятся в тесной зависимости от накопленного индивидуумом (или шире – социальной группой, в состав которой он входит) опыта и во многом определяются им. В частности, обнаруживается зависимость значения от восприятия и восприятия от категоризации, а также влияние опыта на узнавание объектов и их категоризацию. Различия в опыте ведут к различиям в знании, а через них – к разным картинам мира [см.: Кравченко, 2001а].

Какого рода опыт закреплен в термине? Если в основе информации, объективированной средствами общеупотребительного языка, лежит разнообразный опыт взаимодействия людей друг с другом и со средой, не замкнутый рамками одной профессии или полученный вне профессии, то термины в первую очередь являются оязыковленной информацией, полученной в результате опыта взаимодействия человека с предметным и виртуальным миром в процессе конкретной профессиональной деятельности.

Профессиональный опыт – это опыт, который не передается генетически, который не может быть воспринят бессознательно, автоматически. Этот опыт приобретается рефлексивным сознанием в процессе целенаправленной деятельности индивидуума. Интенсивность указанного процесса обусловлена интересом человека к той или иной профессиональной области. Профессиональный опыт носит типизированный характер, поскольку ситуация, в которой он получен, является типичной для данной профессии. Стереотипность ситуации способствует созданию регулярных моделей номинации тех или иных объектов, процессов и отношений.

Специфика терминов как номинативных знаков заключается в том, что они создаются для обозначения предметов, явлений, отношений, коммуникативно и когнитивно значимых лишь в особом семиотическом пространстве – пространстве той или иной профессиональной деятельности. В таком понимании термина мы опираемся на определение Б. Н. Головина: «Термин – это слово или словосочетание... имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними – под углом зрения определенной профессии» [Головин, 1979, 264]. Только в рамках профессиональной сферы термины обладают системностью, проявляют свои конститутивные ориентирующие свойства и выполняют множество возложенных на них функций.

В широком смысле сфера профессиональной деятельности обслуживается специальным языком – языком профессиональной коммуникации. Этот язык неоднороден по своему составу, в нем вычленяется несколько языковых страт в зависимости от степени кодифицированности и

информационной содержательности используемых здесь единиц: терминология, устная профессиональная лексика (профессионализмы), профессиональные жаргонизмы, номенклатура. Описанная структура языка профессиональной коммуникации позволяет рассматривать это понятие не только как обозначение функциональной разновидности литературного языка, но и гораздо шире – как обозначение функциональной разновидности национального (общенародного) языка. Следовательно, о русском языке профессиональной коммуникации можно говорить как применительно к современной эпохе развития языка, так и к периоду формирования русского национального литературного языка и даже к более ранним историческим эпохам, от момента возникновения разделения труда, формирования профессий и связанного с этим процессом профессионального мышления.

Терминология составляет ядро языка профессиональной коммуникации. Она концентрирует в себе его основные признаки и свойства. Под профессиональной коммуникацией мы понимаем коммуникацию в рамках профессиональной сферы между представителями определенных профессий (а также между представителями родственных профессий). Целесообразно разграничивать профессиональную коммуникацию трех типов – обучающую, познавательную, деятельностьную (включенную в деятельность). Иными словами, нами различаются коммуникация в процессе обучения профессии, коммуникация для решения профессиональных задач, коммуникация в процессе деятельности.

Институт ученичества – важный момент в процессе формирования и функционирования языков профессиональной коммуникации. Модель «ученик – помощник – мастер», описывающая ступени профессионального становления человека, является универсальной для всех областей деятельности. При этом именно количество и качество специального опыта, степень включенности в сферу профессии через язык определяет формирование специалиста как профессиональной личности, а вместе с тем возможность продуцирования им языковых репрезентаций профессионально значимых смыслов.

Хотя опыт каждого человека индивидуален, однотипность ситуаций, регулярность их повторения в определенной области деятельности создают условия для группового социального опыта. Люди, вступающие во взаимодействие на основе имеющегося у них опыта, вырабатывают единый «язык», состоящий из языковых репрезентаций известного им опыта. «Ограниченность» подобного языка связана с групповой посвященностью в него узкого круга специалистов на основе общего опыта. Именно опыт является источником определенного круга выработанных на его основе языковых репрезентаций.

Важнейшее условие овладения профессией – усвоение определенного количества информации о присущих данной области предметах, процессах и отношениях, однако для того, чтобы считать человека профессионалом, этого недостаточно. Высококвалифицированный специалист не только владеет необходимым набором знаний, но умеет также адекватно действовать в определенных условиях, т. е. обладает способностью контролировать ситуацию и управлять ею. Значимость термина при этом чрезвычайно велика, ибо тер-

мин как когнитивно-коммуникативная единица знаковой природы «задает программу деятельности и поведения» [Дридзе, 1994, 35] участникам профессиональной коммуникации. Таким образом, в термине оказывается органично воплощена связь с профессиональным знанием и профессиональной деятельностью.

Как отмечает А. А. Уфимцева, «главная функция языкового знака состоит в том, чтобы посредством знаковой репрезентации удовлетворять основным отражательным и мыслительным процессам, опосредованно и абстрагированно представлять мыслительное содержание, исторически закрепляющееся за знаком в виде общего для членов коллектива значения, и на этой основе обеспечивать коммуникацию во всех сферах человеческой деятельности» [Уфимцева, 1974, 9]. Особенность терминов заключается в том, что в них закреплён результат не пассивного, а живого, активного отражения, в содержание которого включена человеческая практика, профессиональная деятельность. Именно в такой сознательно выстраиваемой специалистами терминологии необходим особый механизм ориентирования. Этот механизм естественным образом актуализирован во внутренней форме термина, которая позволяет понять его содержание без контекста и вне контекста. Внутренняя форма термина отражает особенности профессионального сознания и служит источником активизации метаязыковой деятельности специалистов. В актах терминологической номинации получают обозначение те фрагменты человеческого опыта или знания, которые включены в определенный вид деятельности, вследствие чего они соответствующим образом осмыслены и интерпретируются.

Итак, термины – это единицы языков профессиональной коммуникации, соотносительные с соответствующими единицами сознания, которое нельзя рассматривать в отрыве от деятельности. Каждая система терминов представляет собой когнитивно-логическую модель той или иной области человеческого знания и деятельности. Отражая познавательный опыт конкретного сообщества людей, термин, как отмечает М. Н. Володина, обеспечивает возможность конвенциональной ориентации специалистов [см.: Володина, 1997].

Языки, обслуживающие различные области профессиональной деятельности, рассматриваются нами как особые когнитивно-коммуникативные пространства. В основе организации каждого такого пространства лежит комплекс значимых концептов, категорий и субкатегорий. Поскольку термины составляют ядро языков профессиональной коммуникации, именно они служат главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве, задают направление мыслительной деятельности специалистов, служат одновременно ориентиром мышления и ориентиром деятельности.

В. М. Лейчик предложил рассматривать термин как сложное многослойное образование, в котором естественно-языковой субстрат и логический суперстрат образуют соответственно нижний и верхний слои, а сердцевину его составляет терминологическая сущность [см.: Лейчик, 1994; 2000]. Такой под-

ход к строению термина имеет под собой глубокие основания и может быть интерпретирован в русле когнитивно-коммуникативного подхода.

В термине как языковом знаке аккумулировано знание трех видов: языковое (являющееся результатом обыденного познания), рациональное (рационально-логическое, энциклопедическое, научное – в широком смысле) и собственно специальное (основанное на профессиональном опыте и возникшее как результат профессионального познания). Таким образом, каждый из видов знания, репрезентированных в термине как языковом знаке, основан на определенном опыте взаимодействия человека с миром. В соответствии с перечисленными видами знания мы выделяем следующие разновидности опыта: 1) опыт, полученный в процессе естественной коммуникации (опыт пользования естественным языком); 2) опыт рациональной интерпретации мира, полученный в процессе формального обучения или являющийся итогом работы рефлексизирующего сознания; 3) специальный опыт, приобретенный в рамках профессиональной коммуникации (в естественных условиях профессиональной деятельности).

Если единицы общелитературной (шире – общеупотребительной) лексики отражают в своем содержании множественность картин мира, бесконечное разнообразие интерпретаций реальных и виртуальных миров, то каждая отдельная терминосистема репрезентирует собой «профессиональную картину мира», т. е. пространственный образ составляющих профессиональной сферы в единстве их связей и отношений. Пространственная ориентация такой модели знаний о мире проявляется в наличии иерархических отношений между элементами терминосистемы (отражение логического подхода), с одной стороны, и в разграничении ядра и периферии в организации данной совокупности наименований (связь с обыденным, «чувственно-образным» познанием) – с другой.

Возникает вопрос о границах профессионального пространства, внутри которого естественно функционирует термин, о сфере, противопоставленной ему по ряду существенных признаков. Наиболее очевидна оппозиция «бытовое – профессиональное». Две этих сферы составляют единство человеческого мира. Человек выступает как совокупность биологической и социальной системности. Бытовой мир человека («ближний мир») воплощает соединение его биологической системности с социальной; мир преобразующе-деятельностный («дальний, внешний мир») – единство функциональной системности и системности природно-заданной (объективных физических и других законов). Первый обеспечивает процесс сохранения, поддержания биологической и социальной целостности человека, второй – процесс изменения, преобразования внешнего мира, в результате которого он становится более понятным, менее враждебным для человека.

Быт – это то, что объединяет всех людей без исключения, поскольку он связан с обслуживанием биологических потребностей человека. Это интегративная по структуре, но полиморфная по наполнению область человеческой жизнедеятельности. Она различна лишь настолько, насколько различны национально-культурные особенности социумов, но структура потребностей

в целом едина. Мир бытовой (профессиональный) являет собой функциональное разнообразие человека, его структура носит полипарадигмальный характер (при сравнении различных сообществ), но в то же время обнаруживаются общие черты между носителями сходных функций в разных сообществах.

Бытовое и бытовое содержание деятельности человека по-разному интерпретируется и соответственно оформляется в языке. Например, в ряде языков наблюдается факт ранней профессионализации деятельности кузнеца, что, на наш взгляд, обусловлено узкоспецифическим, отнюдь не бытовым характером его труда. В данном случае отражена определенная закономерность: бытовое осмысление деятельности стимулирует включение ее в категорию профессий. Наоборот, близость к бытовому опыту – фактор, препятствующий осознанию деятельности в качестве профессиональной. В качестве примера можно привести позднюю языковую интерпретацию земледелия как профессиональной сферы в ряде языков или отмеченный О. Н. Трубачевым факт позднего становления ткачества как «подлинного ремесла» вследствие его «стойкого домашнего характера» [Трубачев, 1966, 7].

Противопоставление бытовых и профессиональных сфер коммуникации имеет под собой противопоставление доминирующих типов мышления: чувственно-образного и вербально-логического (оппозиция которых представлена в строении нашего мозга: левополушарные и правополушарные структуры). Первый тип мышления лежит в основе наивной картины мира, второй тип преобладает в профессиональном мышлении, что связано со стремлением к упорядочению творимого человеком мира. Осознанность, *п л а н и р у е м о с т ь*, «идеальность» совершаемой человеком деятельности требуют применения логических механизмов.

Как убедительно показала Л. А. Манерко, бытовое и рациональное знание связаны: они являются результатом параллельных видов познания и существуют в мозгу человека [см.: Манерко, 2000а]. Более того, научное познание опирается на результаты обыденного познания, ибо последнему, как отмечает В. В. Лазарев, «принадлежит решающая роль в формировании сознания и языка не только в филогенезе, но и онтогенезе современного человека» [Лазарев, 1999, 28]. Суть процесса познания именно в том и состоит, что новое понимается через старое.

Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин определяют различие между бытовым и научным понятиями степенью существенности отражаемых признаков предмета, степенью проникновения в сущность отражаемых предметов [Головин, Кобрин, 1987]. В соответствии с такой точкой зрения, бытовое и научное понятия оказываются в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности, выступают как разные ступени развивающегося понятия и восходят к общей основе – исходному представлению (начальной точке познания). Их соотношение можно сравнить с соотношением «ближайшего» и «дальнейшего» значений в теории А. А. Потебни. Отсюда специальное понятие – это достигшее определенного уровня зрелости знание о том или ином предмете, явлении, отношении реальной действительности. С позиций конкретной историчес-

кой эпохи и этапа в развитии науки этот уровень характеризуется как высший (ср. с определением термина как знака специального понятия у П. А. Флоренского: «зрелое слово», «высшее слово»).

Итак, в осмыслении термина как специфического языкового знака мы исходим из того, что термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации. В термине реализуются механизмы познания той или иной области знаний или деятельности, в нем репрезентированы структуры специального знания, которые служат отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствуют оптимальной организации деятельности специалистов. И по семиозису, и по функционированию термины связаны с профессиональным характером деятельности.

Алексеева Л. М., Мишланова С. М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002.

Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса. Краснодар, 2002.

Володина М. Н. Теория терминологической номинации. М., 1997.

Головин Б. Н. Терминология // Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.

Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987.

Дридзе Т. М. Прогнозное социальное проектирование как этап управленческого цикла: от жизненных ресурсов человека к социальным ресурсам общества // Прогнозное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М., 1994.

Комарова А. И. Язык для специальных целей (LSP): теория и метод. М., 1996.

Кравченко А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001а.

Кравченко А. В. Четыре тезиса к новой философии языка // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Тез. междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2001б.

Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода) // Новые пути изучения словообразования славянских языков. Магдебург, 1997.

Лазарев В. В. К теории обыденного/когнитивного познания: (От Коперника к Птолемею) // Вести. Пятигор. гос. пед. ун-та. Пятигорск, 1999.

Лейчик В. М. Обоснование структуры термина как языкового знака понятия // Терминоведение. № 2. М., 1994.

Лейчик В. М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопр. филологии. 2000. № 2.

Лейчик В., Бесекирска Л. Терминоведение: предмет, методы, структура. Белосток, 1998.

Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина. Саранск, 2000.

Манерко Л. А. Категоризация в языке науки и техники // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. Рязань, 2000а.

Манерко Л. А. Язык современной техники: ядро и периферия. Рязань, 2000б.

Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь, 2002.

Султанов А. Х. О природе научного термина / А. Х. Султанов. М., 1996.

Суперанская А. В. и др. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М., 1989.

Суперанская А. В. и др. Общая терминология: Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М., 1993.

Татаринов В. А. Теория терминоведения. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. М., 1996.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.

Д. Р. Шарафутдинов

К ПОСТРОЕНИЮ ПРОДУКТИВНО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НОМИНАЛИЗАЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последние десятилетия в русистике значительное, хотя и пока явно недостаточное развитие получило нетривиальное для отечественной лингвистической традиции направление грамматических исследований, опирающихся на идею построения грамматики современного русского языка на содержательном основании, описания грамматической системы языка по принципу «от значения к форме». Это направление в русском языкознании имеет различные названия, указывающие на те или иные аспекты грамматических исследований: «конструктивная грамматика», «активная грамматика», «идеографическая грамматика», «продуктивная грамматика». Первый вариант названия подчеркивает задачи конструирования, «создания (точнее, извлечения из океана языковых знаков) языковой единицы, обладающей набором точно заданных свойств» [Белошапкова, Милославский, 1988, 7]; второй вариант – принципиальную ориентированность грамматического описания на активные виды речевой деятельности – говорение и письмо (в противоположность грамматике для пассивных видов – аудирования и чтения); третий – двустороннюю природу (асимметричный дуализм) языковых знаков, а также связь грамматики и лексики; четвертый – направленность грамматики на продукцию (производство, порождение, синтезирование) одних языковых единиц от других (в противоположность грамматике рецепции, восприятия единиц) [подробнее о соотношении понятий, стоящих за рассматриваемой терминологией, см.: Белошапкова, Милославский, 1988, 7–10; Милославский, 2002]. Все эти варианты номинации так или иначе отражают приоритеты и содержательную специфику грамматики, реализующей ономаσιολογический подход к изучению языковых единиц и явлений, обеспечивающей переход от имеющейся в сознании субъекта активной речевой деятельности (адресанта, производителя речи) идеи, мысли, семантической структуры к ее максимально точному и адекватному коммуникативной ситуации выражению средствами русского языка. Речь идет о грамматике, принципиально ориентированной, во-первых, не на классификацию языковых фактов, а на речевую деятельность и, во-вторых, не на любую, а лишь на продуктивную речевую деятельность, обеспечивающую продукцию слова, словосочетания, предложе-